

Виктор ИВИНГ:

«Я никогда не был поклонником Вертинского»

Из дневника. 1943–1946 гг.

Окончание. Начало см. «ЭС» № 26-27, 2004 г.

Пробрела толстая Варвара Константиновна, совсем седая, величественно пронес жирное брюхо горбунчик Дальцев, проюркнул отвратительный жулик Давид Гутман [Гутман Давид Григорьевич (1884–1946) — режиссер, драматург. Руководил театрами миниатюр. — О. Ш.] с лицемерной улыбкой на уродливой физиономии целкунчика, прошептал величаво смугло-красный Арнольд, больше обычного похожий на исполнскую обезьяну. Вяло слонялся ветхий Вертинский под руку с дамой, у которой были тонкие, без икр козьи ноги и странные круглые брови.

Я не хотел подходить к нему первый. Черт его знает! Может быть, ему неприятно встречать старых знакомых. Он подошел сам. Разговорились.

Начинает с комплимента:

— Вы совсем не изменились. Я вас сразу узнал.

У меня язык не поворачивается ответить такой же любезностью.

Рассказывает о московских знакомых, которых встречал за границей.

Мака видел в Лондоне, лет 10 тому назад.

— Он там продавал свои вещи очень хорошо, брал по 150 фунтов вот за такой маленький рисунок. Тончайшая работа. Настоящие персидские миниатюры. Вообще он зарабатывал превосходно, но тут же все тратил. Когда я с ним виделся, он только что вернулся из Египта, ездил к верховьям Нила, к Асуану. Рассказывал, как пил шампанское, опуская бутылку в Нил, прямо с барки. Такой смешной (Вертинский крутит головой). Всегда был чудак.

— Шура Робэн [Робэн (Робен) Александра — танцовщица, артистка театра миниатюр. — О. Ш.] вышла замуж за какого-то нью-йоркского миллиардера, который ужасно ее баловал. Я уже не говорю о платьях, драгоценностях, виллах, домах, автомобилях, но вот вам пример его трат. Когда ей хотелось посмотреть балет, муж выписывал из Европы целую труппу, которая прибыла в Нью-Йорк со всеми декорациями, оркестром, рабочими и так далее. Словом, Шура жила замечательно. Потом, после какого-то кризиса, американец разорился. И когда я видел ее в последний раз, у нее еще было все, что может составить счастье женщины средней руки, то есть туалеты, ботинки, чудесная обстановка, но уж балетов из Европы выписывать она не могла.

— Шушу Бураковского видел в Брюсселе. Он только что был выпущен из тюрьмы, где сидел за очередную кражу. Пришел ко мне такой же грязный, оборванный, вшивый, каким был в Москве. Я дал ему денег, пальто, костюм. Знал, что все равно пропьет. Дал даже не из жалости, а ради старого знакомства. Конечно, он все это пропил и через две недели опять попал в тюрьму за воровство. Это не только физически, но и морально вшивый, грязный человек. Я из-за него и кокаин научился нюхать. Это его влияние. До чего он противен.

Вертинский зябко поводит плечами.

— Марью Александровну Арцыбушеву [Арцыбушева Мария Александровна — актриса, балетмейстер, компаньонка С. С. Мамонтова. — О. Ш.] видел в Париже с обеими дочками, которых она все мечтала выдать замуж. Одна из них вскоре умерла. М. А. устроиться не удалось. Хотела в Париже открыть балетную школу. Как будто в Париже нельзя найти лучшей преподавательницы, чем Арцыбушева. Это в Москве могла она морочить дур. Все брюзжала,

что французы ничего не понимают в искусстве.

О себе:

— Я приехал в Москву в трудную для страны минуту, когда нельзя было заподозрить меня в желании выгодно устроиться. Мне хотелось быть полезным родине.

— Я помню вы писали Шуре Осмеркину. Это он помог?

В. горделиво вздергивает голову.

— Я сам себе помог. Написал письмо. Вяч. Мих. Молотову.

Вскоре от него пришел на полпредство ответ: оказать всяческое содействие артисту Вертинскому и его семье, находящейся в Токио, с тем, чтобы они могли приехать в СССР. Что тут было — вы сами можете представить. Все наши консулы хлопотали о моих удобствах. Через Вяч. Мих. получил в Москве машину и квартиру. Одна беда: квартиру мне дали на Хорошевском шоссе в первом этаже. Сам знаете, какое теперь время. Я часто уезжаю с концертами

из Москвы. И каждый раз волнение: вернусь, а мои девочки и жена зарезаны бандитами. Слава богу, переменил квартиру на другую, в центре. Это совсем близко от ВТО: улица Горького, д. 12. Правда, и тут есть свои неудобства. Квартира в верхнем этаже, а дом новый. Поэтому крыша течет, из окон дует. Ну, ничего. Через два года обещают починить. Подождем, — говорит он с кротостью в голосе.

— Зарабатываю я хорошо, грех жаловаться. Недавно напел новые пластинки. Они уже есть у Сталина, у Молотова, у всех членов правительства.

Спрашивает, слышал ли я его новую песенку «Доченьки»? Со стыдливой улыбкой:

— Обожаю своих девочек. Вы знаете, что у меня есть две маленькие дочки? Мечтаю лишь об одном: дожить до того времени, когда обе девочки выйдут замуж, устроятся. Тогда можно и умирать. Только едва ли дождусь.

В голосе грустная безнадежность.

Я успокаиваю:

— Живут же академики.

Он улыбается.

— Вам сколько лет?

— Мне 57, 58-й пошел.

— Значит, ко времени замужества ваших дочек вы будете в среднем возрасте академика.

Говорим о смерти, упоминания о которой все чаще звучат в его стихах.

— Раньше это было своего рода кокетством. Кладбищенские мотивы были своего рода орнаментом, пикантной остротой приправой, теперь они часто составляют существо ваших произведений.

— Возраст такой. Нельзя не думать о смерти, — отвечает он.

— А что Шура Комнен? — спрашивает он вдруг, и лицо его делается искренне печальным, когда я отвечаю, что она умерла. Расспрашивает, когда это случилось, отчего.

Подходит его жена, высокая шатенка с волнисто-рогатой прической, с волосами, распушенными по плечам а la mousquetaire, с бровями, смело нарисованными прямо по голому месту. На висках <слово нрзб.> линии тянутся почти до волос.

Глаза у нее выпуклые, холодно-наглые, как у ястреба.

— Вот разреши тебе представить, Лиля, старого знакомого. Замечательный был танцор. Изумительно танцевал танго.

Ястребиные глаза равнодушно скользят по моему лицу. Видимо, ни я, ни мое прошлое не интересуют молодую женщину. Вскоре она отходит и садится на диван — под предлогом, что у нее ноги устали.

Это было в начале нашей долгой беседы. Теперь она вновь подходит. Я несколько раз смотрю на Иру, желая, чтобы она подошла. Уверен, что потом будет недовольна, почему не познакомил ее с Вертинским. Перед самым звонком она приближается к нашей группе. Пробую взять ее за руку — вырывается. Ловлю ее во второй раз — повторяется тот же жест. Она оказывается шагах в пяти, когда я прощаюсь с Вертинским и его женой.

• Дома у роая. 1954
Публикация
Ольги ШЛЯХОВОЙ

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Издание осуществляется при государственной финансовой поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Газета сверстана в компьютерном центре «Экрана и сцены». Дизайн и верстка Веры Канделаки. Тел. 209-42-93, e-mail: screenstage@mtu-net.ru

Отпечатано в ООО ИД «Медиа-Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. № 402929.

Адрес редакции: 107031, Москва, Страстной бульвар, 10. Факс: (095) 209-42-93. Телефон секретариата: 209-42-93.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистрационный № 1144.

Учредитель: АНО ЕГ «Экран и сцена». Цена свободная. Подписано в печать 6.10.04г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.